

ДОРОГОЙ БЕССТРАШНЫХ

К 27-й годовщине со дня гибели волотовских подпольщиков

За мужество и отвагу, проявленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., Президиум Верховного Совета СССР Указом от 10 мая 1965 г. наградила участников подполья Новгородской области:

ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

Васькина Павла Афанасьевича (посмертно);
Ефремову Татьяну Федоровну (посмертно);
Немкова Александра Ивановича (посмертно).

ОРДЕНОМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ I СТЕПЕНИ

Васильеву Нину Павловну (посмертно);
Занину Анну Кузьминичну (посмертно);
Тихова Михаила Тимофеевича (посмертно).

ОРДЕНОМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ II СТЕПЕНИ

Васильева Михаила Александровича (посмертно);
Иванову Анну Ивановну (посмертно);
Козинину Надежду Ивановну (посмертно).

Кто же эти люди, героически погибшие за Советскую Родину?

АВГУСТОВСКАЯ НОЧЬ была не по-летнему холодна. Притаившаяся на возвышенности деревушка Должино мокла под дождем. Моготный шум не нарушали посторонние звуки. И только чуткое ухо могло уловить чавканье раскисшей земли под осторожно ступавшими ногами путника.

Васькин остановился. По правил нагнувшись на глаза мокрую кепку. Долго вслушивался. Вспомнил Ленинград, обком партии.

— Решено поручить тебе ответственное дело, — сообщил секретарь обкома Бумагин. И сразу же спросил: — За Старой Руссой бывал?

— Работал учителем в Поддорском районе. Затем инструктором райкома комсомола, а перед войной — в сберегательной кассе.

— Вот и хорошо. В те края и направим.

— Я бы хотел на фронт...

— Он скоро там будет. Назначаем тебя руководителем разведывательной группы. Согласен?

— Спасибо за доверие.

...На улице ничего нет. Васькин подошел к дому Александра Немкова. Разглядев на окне условный сигнал

ждут... Да, кстати: партизаны в оружии нуждаются. Если что можно достать — немедленно сообщите мне. Уже выйдя в сени, тихо спросил:

— Второго связного подобрал?

— Да, кроме Тани, будет ходить и Миша, Васильев. Это пионер, сын учительницы Нины Павловны. Смышлелый паренек.

— Добро. Ну, а теперь пока!

Когда на другой день Немков пришел к бывшему учителю — члену подпольной группы Иванову, тот разбирал библиотеку.

— Чем занимаешься? — спросил Александр.

— Кое-что решил припрятать, а то не ровен час — полиция нагрянет.

Немков поднял со стола томик Ленина, бережно смахнул пыль:

— Я к вам по делу, Александр Иванович. — И рассказал о ночном разговоре с Васильевым.

— Сведения будут, — заверил Иванов. — Связь с нашими в сельсоветах налажена. Помнишь бывшего уполномоченного «Лензаготторга» Петра Мановского? Немцы его начальником управы в Волоте назначили.

Видно, словоч законченная. Но не в этом дело. Недавно встретил он меня, предложил работу в управе. Думаю воспользоваться приглашением.

— Это дело, — поддержал Александр.

— А с оружием трудно, — проговорил Иванов. — Правда, кое-что есть в сарае предателя Зимина. Туда немцы трофейные винтовки сложили. Но как их взять? На дверях — замок, а перед сараем день и ночь часовая ходит.

— Этот сарай я знаю, — проговорил Немков. — В задней стенке у него окошечко есть. Взрослому не пролезть,

а малец, пожалуй, проскользнет.

— Что предлагаешь?

— Взять на это дело Мишу.

— Надо прежде с Ниной Павловной посоветоваться.

РЕДКИЕ ОБЛАКА лишь на мгновение закрывали диск луны и вновь спешили куда-то на восток. Порывистый ветер, ударяясь о деревья и кусты, гнул их к земле, приглушенно шумел листьями.

К сараю осторожно крались Немков и Миша. Высокий, плечистый Александр перед шупленьким мальчиком казался сказочным богатырем. Шли бесшумно. Сырая от недавних дождей земля скрадывала шаги.

Еще днем, когда немцы пьянствовали, Немков выдвинул слабо державшуюся раму в окошке сарая. Теперь ее можно было снять без шума.

Вот и сарай. Когда часовой выходил из-за угла, Немков и Миша видели его неясный, расплывчатый силуэт. Выждав, когда очередная тучка закрыла луну, Александр бесшумно снял раму. В следующий момент в темное отверстие окна просунул свое тело Миша. Вскоре, Немков привал первую винтовку, вторую, третью...

Наконец, в окне показалась голова мальчика.

— Все, — тихо прошептал он.

К утру оружие было скрыто в тайнике.

— Запомни это место, Михаил, — сказал Немков. — Возможно, ты и будешь передавать наш подарок партизанам.

Озеро было неспокойным. Крупные волны с шумом ударялись о берег, обдавая ноги мальчика брызгами. Рыба клевала плохо. Но Миша терпеливо сидел с удочкой. Пошел второй час. И когда за спиной мальчика неожиданно раздавался мужской голос: «Давно сидишь, ры-

бак?», Миша вздрогнул, оглянулся.

Перед ним стоял широкоплечий, невысокого роста мужчина. Открытое, волевое лицо его дружески улыбалось.

— С утра потягиваю, — быстро произнес пародь мальчик.

— Ну, Миша, что ты мис припес?

Миша торопливо снял патрон, который был надет на удочку вместо рукоятки, вынул из него записку и протянул ее Васильеву. Тот прочел:

«Сообщаем, что в Городице прибыло несколько танков и три танкетки, которые двигаются к Шимску. В Волоте 500 немцев и около 100 автомашин. В здании льнозавода устроен склад боеприпасов... Движение немцев сейчас происходит от Руссы по дороге на Порхов. Род оружия — винтовки, автоматы и больше ничего нет... В деревне Сутоках стоит 50 человек, в Лужках — 25, в Мелочеве — 200 человек. В Старорусском районе стоит в деревне Чудиново 150 человек, много немцев во Взглядах, Горках... Полция вооружена только винтовками, гранаты стали появляться, а раньше не было...»

— Спасибо, Миша, — проговорил Васильев. — А теперь дай твою торбу.

Павел Афанасьевич сунул в сумку две пачки листовок. Сверху положил несколько больших ломтей хлеба и три куса сала.

— А теперь спрячь-ка этот листок. Передай Немкову. За винтовки большое спасибо от партизан. Но чтоб без моего согласия больше не рисковали.

БОИ СТАНОВИЛИСЬ все ожесточеннее. Да и в тылу партизаны активизировали свои действия. Уже в сентябре — ноябре 1941 года второй бригадой новгородских партизан, которой командовал Николай Григорьевич Васильев, было освобождено более 300 деревень. В тылу немецких войск из освобожденного Белебелковского, частей Поддорского, Дедовичского и Ашевского районов образовался Партизанский край.

Фашисты встревожились. Они понимали, что удары партизан — это прежде всего отлично налаженная разведывательная работа. Да и налеты авиации на Волот, где был разбомблен штаб немецкой дивизии; бомбежка казарм в Дно, после которой несколько дней пришлось таскать убитых из-под обломков; появление советских листовок почти в каждом населенном пункте — все это говорило о деятельности хорошо законспирированной подпольной организации.

Военное командование и полиция сблизил с ног, лица след разведчиков. Но все было тихо. Большие надежды возлагались на Мановского, который был назначен начальником Волотовской управы. Этот нуда, установив в каждом селе свою агентуру, как паук, ждал сигнала о раскрытии подполья.

Крушение воинского эшелона на разезде Мяково окончательно взбесило немцев. В Волот срочно был направлен карательный отряд, затем прибыл и зондерфюрер Краузе. Он немедленно пригласил к себе командира карательного отряда обер-лейтенанта Шницке, Мановского и начальника местной полиции Молоткова. Их решение уложилось в несколько строк: «...Следить за каждым человеком... Всех подозрительных расстреливать...»

Приближалась годовщина Октября. За три дня до праздника в Соловьеве, Должине и в других деревнях были расклеены листовки. В них сообщалось о положении на фронте. В конце говори-

ли: «...Патриоты! Отпразднуем славную дату Октября, и пусть трепещут фашисты и предатели от нашего единства!»

Нина Павловна готовилась выступить на собрании крестьян в Должине. Она волновалась, как перед первым уроком. Просторный дом на окраине был полон народу.

— Мы построили социалистическое государство и хорошо жили, пока коварный враг не пришел на нашу землю... Фашисты хотят растоптать и уничтожить все наше самое светлое и радостное... Не выйдете!

Когда стихли аплодисменты, слово взяла Татьяна Ефремова.

— Предлагаю спеть «Ин-

П. А. ВАСЬКИН.

тернационал», — сказала она и первая запела: — «Вставай, проклятым заклейменный...»

СТАРОСТЕ Егорову не спалось. Не зажигая огня, он тихо вышел на улицу. Вдруг до него долетели слова песни. От неожиданности Егоров остановился. Как пес, повертел головой, словно припокиваясь. И, определив, что песня неслась из крайнего дома, стал осторожно к нему подкрадываться.

От калитки к дому метнулся мальчонка. Он стукнул в окно и кинулся к заду.

«Никак Мишка, сынок учительки? — подумал Егоров, открывая калитку. Перед самым его носом внезапно распахнулась дверь, и из дома вышел Немков.

— Тебе чего?

— Поют здесь, — растеялся от неожиданности Егоров. — Нельзя петь, запрещено.

— Это для тебя, гад полый, запрещено, — придвинулся Немков вплотную к Егорову.

«Убьет», — зная крутой нрав Немкова, подумал Егоров и, зная, проговорил: — Да я ничего. Сама, дако побереглась бы...

— Ну и убирайся отсюда. Ты боишься за свою шкуру! Старосту от дома как ветром сдуло.

В Должине у старосты орова остановился отряд волотовских полицеев. Пьяный гомон заглушающих был вышен далеко вокруг.

В доме Василия Еремеева же готовилась «пирушка». Столе стояли самовар, несколько тарелок с жареной едой. Собралось человек десять. Последним в спорной жизни двух товарищей пришел Васильев.

— Знакомьтесь, — представил он своих спутников. — Елизар и Павел, да из дновской группы.

— Ого! — заметил кто-то. — Наши и в соседних раях завелись.

— Товарищи, — начал Павел Афанасьевич, — нам необходимо создать подпольно-организационный совет. Предлагаю избрать его из семи человек.

За каждым членом организации закрепили для разведывательной и агитационной работы определенный участок. За Васильевым — разведка Мяково и территории Дергачевского сельсовета, Елизаром — Должину, Глухорунинский и Крутецкий, Надеждой Козининой — Горинский и Взглядский, Александром Немковым — Должинский сельсовет и станицу Мориню, Михаилом Тиховым — Верхне-овский сельсовет.

Дом Еремеевых подпольщики покидали уже за полночь. У Егорова все еще горел свет и раздавались слыные голоса полицеев.

Наступил 1942 год. Подпольная организация действовала все увереннее и смелее. Находясь в Верхне-овском районе за письменным сто-

лом сидели Краузе, Шницке, Молотов и Мановский. У противоположной стены стоял Немков. Рубашка на нем была разорвана и запятнана кровью.

Кинув недокуренную папироску под стол, Молотов подошел к арестованному:

— Значит, не коммунист?

— К сожалению, нет...

— Так чего же ты улираешься? Расскажи про своих руководителей! — сегодня же домы отпустим...

Немков чуть приподнял голову. Блеснули строгие волевые глаза. Разбитые в кровь губы скривились в презрительной усмешке.

МОРОЗ КРЕПЧАЛ. Сизая дымка окутала деревню. Хотя же. За околицей, по направлению к кладбищу, двигались люди. Впереди, со связанными руками, шел высокий мужчина. Он был без пальто и шапки, в порванной окровавленной рубашке, бо-сой. Это был Немков. Холодная поземка бросала ему горсти снега в лицо, обнаженную грудь. Но Немков, казалось, не замечал этого.

Сзади с пистолетом в руке семенил полицейский Танков. А чуть поодаль, метрах в шести, с группой полицейских вышагивал Молотов.

— Здесь, — сказал он и указал на небольшую яму, наполовину заполненную снегом.

— Может, одумался? — спросил еще раз у обреченного Молотов. — Расскажишь, будешь жить...

— Стреляйте, гады! — гневно выкрикнул Александр. — Мы никогда не простим вам!

Прогремли два выстрела. Затем еще три. А Немков стоял. Алые струйки крови потекли по рубашке, закапали на снег. Тогда Молотов подбежал к арестованному и почти в упор выстрелил ему в лицо.

Краузе понимал, что подпольная организация не разгромлена. Все еще было неизвестно, кто ее руководит, и где скрываются остальные. Последнее время Волотовская тюрьма битком набита подозрительными, а наущающий центр так и не удавалось.

Вечером большой отряд немцев прибыл в Должину. Первым схватили Немкова. Избитого, со связанными руками его под усиленной охраной повели в Волот.

В небольшой накуреной комнате за письменным сто-

лом сидели Краузе, Шницке, Молотов и Мановский. У противоположной стены стоял Немков. Рубашка на нем была разорвана и запятнана кровью.

Кинув недокуренную папироску под стол, Молотов подошел к арестованному:

— Значит, не коммунист?

— К сожалению, нет...

— Так чего же ты улираешься? Расскажи про своих руководителей! — сегодня же домы отпустим...

Немков чуть приподнял голову. Блеснули строгие волевые глаза. Разбитые в кровь губы скривились в презрительной усмешке.

МОРОЗ КРЕПЧАЛ. Сизая дымка окутала деревню. Хотя же. За околицей, по направлению к кладбищу, двигались люди. Впереди, со связанными руками, шел высокий мужчина. Он был без пальто и шапки, в порванной окровавленной рубашке, бо-сой. Это был Немков. Холодная поземка бросала ему горсти снега в лицо, обнаженную грудь. Но Немков, казалось, не замечал этого.

Сзади с пистолетом в руке семенил полицейский Танков. А чуть поодаль, метрах в шести, с группой полицейских вышагивал Молотов.

— Здесь, — сказал он и указал на небольшую яму, наполовину заполненную снегом.

— Может, одумался? — спросил еще раз у обреченного Молотов. — Расскажишь, будешь жить...

— Стреляйте, гады! — гневно выкрикнул Александр. — Мы никогда не простим вам!

Прогремли два выстрела. Затем еще три. А Немков стоял. Алые струйки крови потекли по рубашке, закапали на снег. Тогда Молотов подбежал к арестованному и почти в упор выстрелил ему в лицо.

Краузе понимал, что подпольная организация не разгромлена. Все еще было неизвестно, кто ее руководит, и где скрываются остальные. Последнее время Волотовская тюрьма битком набита подозрительными, а наущающий центр так и не удавалось.

Вечером большой отряд немцев прибыл в Должину. Первым схватили Немкова. Избитого, со связанными руками его под усиленной охраной повели в Волот.

В небольшой накуреной комнате за письменным сто-

лом сидели Краузе, Шницке, Молотов и Мановский. У противоположной стены стоял Немков. Рубашка на нем была разорвана и запятнана кровью.

Кинув недокуренную папироску под стол, Молотов подошел к арестованному:

— Значит, не коммунист?

— К сожалению, нет...

— Так чего же ты улираешься? Расскажи про своих руководителей! — сегодня же домы отпустим...

Немков чуть приподнял голову. Блеснули строгие волевые глаза. Разбитые в кровь губы скривились в презрительной усмешке.

МОРОЗ КРЕПЧАЛ. Сизая дымка окутала деревню. Хотя же. За околицей, по направлению к кладбищу, двигались люди. Впереди, со связанными руками, шел высокий мужчина. Он был без пальто и шапки, в порванной окровавленной рубашке, бо-сой. Это был Немков. Холодная поземка бросала ему горсти снега в лицо, обнаженную грудь. Но Немков, казалось, не замечал этого.

Сзади с пистолетом в руке семенил полицейский Танков. А чуть поодаль, метрах в шести, с группой полицейских вышагивал Молотов.

— Здесь, — сказал он и указал на небольшую яму, наполовину заполненную снегом.

— Может, одумался? — спросил еще раз у обреченного Молотов. — Расскажишь, будешь жить...

— Стреляйте, гады! — гневно выкрикнул Александр. — Мы никогда не простим вам!

Прогремли два выстрела. Затем еще три. А Немков стоял. Алые струйки крови потекли по рубашке, закапали на снег. Тогда Молотов подбежал к арестованному и почти в упор выстрелил ему в лицо.

Краузе понимал, что подпольная организация не разгромлена. Все еще было неизвестно, кто ее руководит, и где скрываются остальные. Последнее время Волотовская тюрьма битком набита подозрительными, а наущающий центр так и не удавалось.

Вечером большой отряд немцев прибыл в Должину. Первым схватили Немкова. Избитого, со связанными руками его под усиленной охраной повели в Волот.

В небольшой накуреной комнате за письменным сто-

лом сидели Краузе, Шницке, Молотов и Мановский. У противоположной стены стоял Немков. Рубашка на нем была разорвана и запятнана кровью.

Кинув недокуренную папироску под стол, Молотов подошел к арестованному:

— Значит, не коммунист?

— К сожалению, нет...

— Так чего же ты улираешься? Расскажи про своих руководителей! — сегодня же домы отпустим...

Немков чуть приподнял голову. Блеснули строгие волевые глаза. Разбитые в кровь губы скривились в презрительной усмешке.

МОРОЗ КРЕПЧАЛ. Сизая дымка окутала деревню. Хотя же. За околицей, по направлению к кладбищу, двигались люди. Впереди, со связанными руками, шел высокий мужчина. Он был без пальто и шапки, в порванной окровавленной рубашке, бо-сой. Это был Немков. Холодная поземка бросала ему горсти снега в лицо, обнаженную грудь. Но Немков, казалось, не замечал этого.

Сзади с пистолетом в руке семенил полицейский Танков. А чуть поодаль, метрах в шести, с группой полицейских вышагивал Молотов.

— Здесь, — сказал он и указал на небольшую яму, наполовину заполненную снегом.

— Может, одумался? — спросил еще раз у обреченного Молотов. — Расскажишь, будешь жить...

— Стреляйте, гады! — гневно выкрикнул Александр. — Мы никогда не простим вам!

Прогремли два выстрела. Затем еще три. А Немков стоял. Алые струйки крови потекли по рубашке, закапали на снег. Тогда Молотов подбежал к арестованному и почти в упор выстрелил ему в лицо.

Краузе понимал, что подпольная организация не разгромлена. Все еще было неизвестно, кто ее руководит, и где скрываются остальные. Последнее время Волотовская тюрьма битком набита подозрительными, а наущающий центр так и не удавалось.

Вечером большой отряд немцев прибыл в Должину. Первым схватили Немкова. Избитого, со связанными руками его под усиленной охраной повели в Волот.

В небольшой накуреной комнате за письменным сто-

лом сидели Краузе, Шницке, Молотов и Мановский. У противоположной стены стоял Немков. Рубашка на нем была разорвана и запятнана кровью.

Кинув недокуренную папироску под стол, Молотов подошел к арестованному:

— Значит, не коммунист?

— К сожалению, нет...

— Так чего же ты улираешься? Расскажи про своих руководителей! — сегодня же домы отпустим...

Немков чуть приподнял голову. Блеснули строгие волевые глаза. Разбитые в кровь губы скривились в презрительной усмешке.

МОРОЗ КРЕПЧАЛ. Сизая дымка окутала деревню. Хотя же. За околицей, по направлению к кладбищу, двигались люди. Впереди, со связанными руками, шел высокий мужчина. Он был без пальто и шапки, в порванной окровавленной рубашке, бо-сой. Это был Немков. Холодная поземка бросала ему горсти снега в лицо, обнаженную грудь. Но Немков, казалось, не замечал этого.

Сзади с пистолетом в руке семенил полицейский Танков. А чуть поодаль, метрах в шести, с группой полицейских вышагивал Молотов.

— Здесь, — сказал он и указал на небольшую яму, наполовину заполненную снегом.

— Может, одумался? — спросил еще раз у обреченного Молотов. — Расскажишь, будешь жить...

— Стреляйте, гады! — гневно выкрикнул Александр. — Мы никогда не простим вам!

Прогремли два выстрела. Затем еще три. А Немков стоял. Алые струйки крови потекли по рубашке, закапали на снег. Тогда Молотов подбежал к арестованному и почти в упор выстрелил ему в лицо.

Краузе понимал, что подпольная организация не разгромлена. Все еще было неизвестно, кто ее руководит, и где скрываются остальные. Последнее время Волотовская тюрьма битком набита подозрительными, а наущающий центр так и не удавалось.

Вечером большой отряд немцев прибыл в Должину. Первым схватили Немкова. Избитого, со связанными руками его под усиленной охраной повели в Волот.

В небольшой накуреной комнате за письменным сто-

лом сидели Краузе, Шницке, Молотов и Мановский. У противоположной стены стоял Немков. Рубашка на нем была разорвана и запятнана кровью.

Кинув недокуренную папироску под стол, Молотов подошел к арестованному:

— Значит, не коммунист?

— К сожалению, нет...

— Так чего же ты улираешься? Расскажи про своих руководителей! — сегодня же домы отпустим...

Немков чуть приподнял голову. Блеснули строгие волевые глаза. Разбитые в кровь губы скривились в презрительной усмешке.

МОРОЗ КРЕПЧАЛ. Сизая дымка окутала деревню. Хотя же. За околицей, по направлению к кладбищу, двигались люди. Впереди, со связанными руками, шел высокий мужчина. Он был без пальто и шапки, в порванной окровавленной рубашке, бо-сой. Это был Немков. Холодная поземка бросала ему горсти снега в лицо, обнаженную грудь. Но Немков, казалось, не замечал этого.

Сзади с пистолетом в руке семенил полицейский Танков. А чуть поодаль, метрах в шести, с группой полицейских вышагивал Молотов.

— Здесь, — сказал он и указал на небольшую яму, наполовину заполненную снегом.

— Может, одумался? — спросил еще раз у обреченного Молотов. — Расскажишь, будешь жить...

— Стреляйте, гады! — гневно выкрикнул Александр. — Мы никогда не простим вам!

Прогремли два выстрела. Затем еще три. А Немков стоял. Алые струйки крови потекли по рубашке, закапали на снег. Тогда Молотов подбежал к арестованному и почти в упор выстрелил ему в лицо.

Краузе понимал, что подпольная организация не разгромлена. Все еще было неизвестно, кто ее руководит, и где скрываются остальные. Последнее время Волотовская тюрьма битком набита подозрительными, а наущающий центр так и не удавалось.

Вечером большой отряд немцев прибыл в Должину. Первым схватили Немкова. Избитого, со связанными руками его под усиленной охраной повели в Волот.

В небольшой накуреной комнате за письменным сто-

лом сидели Краузе, Шницке, Молотов и Мановский. У противоположной стены стоял Немков. Рубашка на нем была разорвана и запятнана кровью.

Кинув недокуренную папироску под стол, Молотов подошел к арестованному: